

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

АРАБСКИЙ МИР: СЛИЯНИЕ В НАЦИЮ ИЛИ УСИЛЕНИЕ РАЗОБЩЕННОСТИ? (заметки по поводу)

© 2020 А. ФИЛОНИК, В. ИСАЕВ

DOI: 10.31857/S032150750008723-7

ФИЛОНИК Александр Оскарович, кандидат экономических наук, вед.н.с. Института востоковедения РАН (fao44@mail.ru)

ИСАЕВ Владимир Александрович, доктор экономических наук, профессор ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова (v-isaev@yandex.ru)

Резюме. В статье рассматриваются некоторые вопросы и процессы, связанные с практикой нациестроительства в арабском мире, которая в последние полвека реализуется в условиях экономических, социальных, политических и военных потрясений, оказывавших серьезное воздействие и на национальные аспекты развития государств, и обществ. В регионе возникают новые факторы, которые активно формируют национальные приоритеты, национальное самосознание, национальную идентификацию и, шире, отношение к идее арабского единства.

Ключевые слова: нациестроительство, нация, арабское единство, национализм, ЛАГ, ССАГПЗ, этническая общность, государство, арабийские монархии

THE ARAB WORLD: MERGER INTO NATION OR INCREASING DISENGAGEMENT? (a note of theme)

Alexander O. FILONIK, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (fao44@mail.ru)

Vladimir A. ISAEV, Dr.Sc. (Economics), Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow University (v-isaev@yandex.ru)

Abstract. In over a half-century the Arab World has passed thru a good deal of various developments including economic, social, political and military ones that significantly changed its image by adding new quality to the processes and problems that indicated its guidelines and growth. All what has happened in this one of the most important regions of the world left a mark on the national aspects of the state and society development. The Arab World is living now in a very contradictory way walking the line of different models of social and political organization and economic growth having their reflection in every day activity of ruling regimes putting goals not frequently supported neither economically nor politically. This region is currently surviving the severe period of revolutions and intensive confessional hostility that carries in itself very distinctly articulated political, economic and social content. As a result the new imbalances emerge here coupling with humanitarian crises and with total disorder in understanding of common fitness of things that will spill over to the next decade and influence the ample range of problems most acute for the region. Not least of all are the deep-laid processes of globalization that may be translated in shaping of national goals and may affect national consciousness and identification as well as pave way for national-building and develop positive attitude towards unity or be the reason of its oppression.

Keywords: nation-building, nation, the Arab unity, nationalism, LAS, GCC, ethnic community, state, the Arabian monarchies

Ряд стран Арабского Востока в борьбе с исламистским экстремизмом оказался на грани утраты государственности, посеяв еще большую неопределенность в вопросах нациестроительства и в перспективах создания единой арабской нации.

«ПАРАД» КОНЦЕПЦИЙ

В основе понимания такого значимого явления, как нация, лежат уже исторически давно сложившиеся либо более оригинальные подходы, от-

ражающие всю сложность поиска ответов на весьма актуальные и противоречивые вопросы о цивилизационной идентичности, национальном самосознании, о путях формирования у людей ощущения принадлежности к общности, имеющей не прерывавшуюся историю.

Большая Российская энциклопедия придерживается той версии, что нация - это историческая общность людей, основанная на общности территории, исторических, экономических и политических связей, литературного языка и других особенностей культуры. Как вариант, на те-

кущем этапе нация рассматривается как форма этнической общности и воспринимается как совокупность всех граждан определенного государства, независимо от их этнической принадлежности [1, с. 789].

В западной редакции термин «нация» представляется как весьма широкое понятие, в котором есть место для разных формулировок. Оксфордский энциклопедический словарь, например, предпочитает рассматривать нацию в качестве общности людей, состоящей из одной или более национальностей с собственными территорией и правительством [2, р. 488]. Оксфордский толковый словарь английского языка за разные годы издания приводит свои, близкие по смыслу, трактовки. Одна описывает нацию как сообщество людей, в основном имеющих общее происхождение, язык, историю или политические институты и проживающих на одной территории и при одном правительстве. Вторая видит нацию как большое, ассоциируемое с конкретной территорией, сообщество говорящих на одном языке людей, имеющее политический характер или политические устремления [3, р. 561].

С указанными примерами, в том или ином виде, соотносятся другие циркулирующие трактовки; в целом же, они совпадают в том, что краеугольным моментом существования нации признается наличие территории и государственности. Но в остальных моментах прослеживаются расхождения как результат привнесения некоторых дополнительных и значимых, с точки зрения их авторов, дефиниций, не присутствующих в иных формулировках. Это могут быть и акцентируемые отсылки к чувствам групповой солидарности, и взглядам на нацию как на некий обезличенный и абстрактный организм, и понимание ее как общности, отождествляемой с народом, расой, племенем или федерацией племен.

В последней трети прошлого века возникают новые теории формирования наций, которые уточняют предшествовавшие наработки или трактуют проблему на базе новых подходов, например, процессы нациестроительства не возникают как результат синхронного совпадения с процессами модернизации, а сами спровоцированы модернизацией.

Другая точка зрения отражает конструктивистский взгляд на нацию, которая рассматривается как некий искусственный конструкт, фигурирующий в виде воображаемого политического сообщества в сознании людей. Такой вывод вытекает из представления о двух типах сообществ – реальных и воображаемых, из которых акцентируется последнее. Оно трактует нацию именно как «область социального воображаемого» [4], укоренившегося в регулярной жизненной практике, указывающей на то, какие конкретные механизмы лежат в основе выстраивания этого типа сообществ, познающих себя через образы народа, окруженного зримыми свидетельствами принадлежности индивидов к одному кругу людей.

Прошедший период отмечен многими исследованиями темы, которая становится актуальной для Арабского Востока особенно в свете крайне негативных процессов, возникших в истекшую декаду.

Вопросы нациестроительства пользуются вниманием и российской науки.

Академик А.М.Васильев рассмотрел проблему с точки зрения взаимоотношения египетского и общеарабского национализма, противопоставление «фараонизма» и строительства «арабской уммы» [5].

Проблему кризиса национального государства в арабском мире активно поднимает академик В.В.Наумкин. Он подвергает анализу современные тенденции и процессы в этой области, критически осмысливая текущую практику и оценивая взаимодействие разнообразных фундаментальных факторов, отраженных в таких сложных категориях, как цивилизация, идентичность, религия, идеология и охватывающих такие понятия, как этнос, национализм, насилие, мифы и собственно кризис наций-государств [6].

Эта важнейшая для понимания дальнейших судеб региона тема подхвачена в работах других востоковедов. В частности, В.А.Кузнецов и В.Салем рассматривают указанные проблемы через призму «модельного ряда» национальных государств в арабском мире. Они глубоко внедряются в ткань событий и явлений, чтобы выявить особенности государственного строительства и роль в нем панарабизма, регионализма, странового национализма и ряда других важнейших факторов, имеющих значение для арабской государственности [7].

Очевидно, что разнообразие концепций, трактующих процессы формирования наций, отражает их объективную неординарность в современном мире. Они в своих местных проявлениях действительно определяются особенностями национальных институтов, отличаются по методам и условиям развития, темпам и масштабом их реализации. Сложные по определению комбинации последних в арабском мире тем более естественны потому, что вопрос касается весьма подвижных обществ с особой практикой и спецификой, которая воспроизводится в собственной логике, не обязательно совпадающей во всех деталях с классическими примерами зарождения наций, но реализуемой в общем историческом потоке.

В формировании нации научная мысль придает определяющее значение идеологии национализма, который стоит, в числе прочих побудительных мотивов, у истоков нации и направляет ее движение к новым смыслам и развитию. Арабский национализм, ставший знаковым течением политической мысли в новейшей истории Арабского Востока, сыграл свою роль в консолидации разных областей региона вокруг идеи борьбы с колониализмом и в построении новых государств на исторически отведенных им территориях.

Именно в их пределах происходило сплочение арабского компонента и местных этнических групп в ходе регулярного общения и взаимодействия задолго до революций и реформ, впоследствии изменивших облик арабского мира. Только существенно позже начали складываться новые производительные силы, развернулось вовлечение периферийных земель в хозяйственный оборот параллельно с ростом разделения труда и формированием целостного внутреннего рынка, как свидетельств не только экономического подъема, но и кристаллизации «страновых» наций.

Стремление к общенациональному будущему в наибольшей степени отразилось в идее арабизма, ген которого, так или иначе, присущ арабскому этносу. Он на глубинном уровне присутствует в виде своего рода предожидания собственной «сплошной» государственности в форме людского сообщества, устроенного на принципах Корана, спаянного литературным языком религиозных первоисточников, арабо-мусульманской культурой и объединенного скрепами «исторического единства».

Но на первом этапе арабское единство подразумевалось только в странах восточнее Египта.

Лозунг «Египет для египтян», родившийся в XIX в., подразумевал, что Египет - не часть арабского мира, что он занимает особое место в арабо-исламской цивилизации, якобы даже стоит от нее особняком, естественно, выше других. Некоторые в своем воспевании египетского национального характера доходили до восхваления «фараонизма». Но в этом они в слабо замаскированной форме выражали стремление к «европеизации» Египта. Эти идеи находили отклик только в узкой прослойке интеллектуалов-либералов.

Идея солидарности Египта с арабскими народами захватила умы и сердца в 40-х - 50-х гг. XX в. Идеологом арабского национализма, а значит, и идеи о едином арабском государстве, стал сириец Саты аль-Хусри.

«Кто говорит по-арабски, тот и араб» - это выражение стало кредо арабского национализма, охватившего и Египет. Его выразителем стал Гамаль Абдель Насер, а Каир - символом арабского возрождения. Насеристы выступали за постепенное единство арабов под руководством Египта.

Неудачный опыт объединения Сирии и Египта по настоянию сирийцев (с 1958-го по 1961 г.) оставил глубокую рану в сердцах тех, кто надеялся на начало прочного объединения. Еще более серьезную рану у сторонников панарабизма оставило поражение в арабо-израильской войне 1967 г. Арабо-израильская война 1973 г. вывела на авансцену консервативные аравийские монархии.

Выдающийся египетский публицист Люис Аваз считал, что арабское единство, основанное на том, что народы и национальности от Персидского (Арабского) залива до Атлантики представ-

ляют собой «одну нацию» - это опасный миф [5, с. 242-243, 250, 245-247, 252-254, 260].

ПЕРВЫЕ ШАГИ НАЦИЙ

Арабский мир четыре века развивался в составе Османской империи, в рамках которой вопрос о национальном арабском государстве имел условный характер. Порта¹, разделив арабский мир на провинции, весьма формально относилась к вопросу о границах между ними. Только после ее падения они были произвольно прочерчены западными державами, не считаясь с племенной практикой и местными представлениями о правах на земли, и лишь спустя время обрели легитимность.

До того момента население разных частей региона из-за относительной своей малочисленности, территориальной раздробленности и племенной разобщенности веками воспринималось как некая расплывчатая масса, не сплоченная в единую общность с выраженными политическими интересами, и была рассеяна по отдельным очагам со слабыми внутренними и внешними связями.

Лишь к середине XIX в. в недрах арабской мысли складывается идеология «ан-Нахда аль-арабийя» («Арабского возрождения»), рассматривавшая единство как основу борьбы за национальное освобождение. Обозначившись, взлет арабского национализма достиг пика лишь во времена революционных потрясений в ряде арабских стран в 1916 г., которые, однако, не привели к осуществлению национальных целей в условиях сохранявшегося воздействия колониальных государств.

Тем не менее, притягательность идеи, помноженной на надежду на коллективные действия, видимо, придавала энтузиазм корифеям объединительной мысли и более поздним ее носителям, заставляя их верить в достижимость цели. Основой могло служить обладание арабами на протяжении веков своего рода важнейшим материальным активом в виде территорий. В разное время они имели разную конфигурацию, но с тенденцией к расширению в пространственном отношении, и в итоге составили колоссальную нишу на географической карте мира, за которой исторически закрепилось понятие «аль-ватан аль-арабий» - «арабская родина» и «аль-алам аль-арабий» - «арабский мир».

Но эта предпосылка, пожалуй, служила только одним, и то достаточно условным, свидетельством в пользу зарождения по-новому сконструированного сообщества. Особенно если учесть, что на пространствах большей части региона не существовало трассированных границ, не было государственности, племена перемещались по путям на основе обоюдных договоренностей. К тому же удаленность от источников идей арабизма и со-

¹ Оттоманская, Высокая, Блистательная - официальное наименование правительства бывшей султанской Турции (прим. авт.).

средоточенность племен на своих текущих проблемах отсекали массы от идеи общенационального объединения, лишая ее нужной поддержки.

Не меньшее значение имел еще один фактор. При османском владычестве и давлении метрополий с их принципом «разделяй и властвуй» интеграция арабских земель не могла иметь места. Идея, не оформленная во внятное политическое движение, могла восприниматься не более, чем фигурой речи для многих поколений арабов. Возможно, за исключением восточных территорий арабского ареала в рамках исторически сложившейся Великой Сирии, где начинали вызревать идеи арабского национального возрождения.

Большая ясность с государственным оформлением арабских стран наступила в период между двумя мировыми войнами. С точки зрения повышения зрелости политического сознания и взлета общественной активности, заметное исключение демонстрировали лишь Египет и Ирак.

В Египте с большей активностью длительное время развертывались хозяйственные процессы, вызревали городские слои, становилось заметным влияние образованных групп населения. Одновременно повышалась роль национального самосознания, ширилась борьба за национальное освобождение, разрешившаяся восстанием 1919 г. и последовавшим протяженным периодом беспорядков. Массовые выступления и растущий национализм продемонстрировали нежелание египетского общества мириться с иностранным присутствием и стремление построить национальное государство. В 1922 г. Англия декларировала независимость Египта, но военное присутствие ее продолжалось до революции 1952 г. Примерно сходная ситуация развивалась и в Ираке, который получил независимость от Британии в 1932 г., но оставался в зоне ее влияния вплоть до 1958 г.

На таком фоне, ослабив британское присутствие и не подпадая более под категорию колониальных владений, Ирак (1932 г.) и Египет (1937 г.) прежде других арабских народов обрели существенные признаки государственности, имея очерченную территорию и состав населения, являвшегося носителем характерных культурных кодов.

Возникновение рельефного политического и социокультурного ядра и оформление предпосылок к сосредоточению политической деятельности в руках регулярных партий обусловили признание существования египетской и иракской нации, подтвержденное наделением Египта и Ирака правом на представительство в Лиге Наций как единственной подобного рода междуна-

родной организации периода между двумя мировыми войнами.

Масштабы Египта, исторически обретенный авторитет и политический вес в арабском мире, а также выдвижение в лидеры нациестроительства, дали основание приписывать королю Фаруку² распространившееся мнение о том, что Египет - единственное состоявшееся государство, тогда как другие арабские страны - лишь племена со своими стягами. Это суждение, видимо, относилось больше к аравийской действительности того периода, но было довольно безапелляционным для центральных регионов, где к тому времени явно вызревали силы, в недалеком будущем готовые к национальному действию.

Однако процесс растянулся на длительное время, что было вызвано Второй мировой войной, трудностями преодоления брожения и неопределенности в рядах арабского национального авангарда, который только набирался зрелости в лице отдельных лидеров борьбы за суверенитет и единство.

Первая же попытка ближе к концу 1950-х гг. создать объединенное арабское государство на волне эйфории от как бы открывшихся возможностей и без учета реальной действительности привела к провалу. Объединительная инициатива оказалась не более, чем всплеском энтузиазма из-за переоценки готовности к союзам и присутствия негативного экономического фона.

Жесткая оценка толпы и ее лидеров отражала своего рода легкость отношения к стратегической проблеме, для решения которой требовался подход, превышавший уровень доиндустриального типа мышления.

Этот опыт показал всю сложность предстоящего государственным переосмысления задач и дальнейшего развития представлений о теории и практике действий, необходимых для достижения цели. Анализ предшествовавших результатов и выявление ошибок должны были помочь им соотносить свои взгляды с процессами, сопровождавшими фундаментально изменявшиеся обстоятельства на протяжении всей эпохи вызревания идеи арабизма как концепции арабского национализма, проходившего и через исторически сложившееся понятие «аль-умма аль-арабийя», которое стало со временем фактически синонимом «арабской нации»³.

ЛИГА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ

Период после завершения Второй мировой войны на Арабском Востоке проходил под ло-

² Король Фарук в 1936-1952 гг. - правитель Египта и Судана (*прим. авт.*).

³ Этот термин подразумевает и более широкий смысл, включающий не только арабскую, но и мировую мусульманскую общину. Современный арабский язык определяет слово «нация» исторически сложившимся термином «умма», от корня «умм» - «мать». В определенных случаях умма может восприниматься и в значении народ. В исторически отдаленные времена этот термин применялся для обозначения именно арабской религиозной общины, но не политической единицы. Очевидно, с течением времени, когда в западном политическом лексиконе появилось понятие нации, арабский вариант, обозначавший более расплывчатый с политической точки зрения институт, автоматически принял на себя современный смысл и закрепился в этом статусе (*прим. авт.*).

зунгами национально-освободительных идей и был ознаменован чередой многочисленных реформ, которые не только открывали путь в индустриальную эпоху, но и заметно влияли на массовое сознание, мобилизовали политический и социальный потенциал населения. Качественные изменения усилили процессы осмысления арабскими обществами своего места и роли в регионе, заметно подняв политическую активность масс.

Незадолго до окончания войны, в 1945 г., движимая необходимостью выработать консолидированную позицию по межарабским и международным делам, первоначально небольшая группа арабских государств создала собственную региональную организацию в виде Лиги арабских государств (ЛАГ)⁴.

В последующий период арабский мир остальными своими частями болезненно выходил из состояния зависимости, отсталости и периферийности, что позволяло Лиге последовательно расширять свои ряды до того момента, когда княжества Персидского залива последними вышли из-под британского контроля и получили собственную государственность, фактически завершив парад суверенитетов в регионе (не считая неарабских членов организации).

Арабский мир окончательно освободился от открытого иностранного влияния, а возникшие на его политической карте новые суверенные государства приняли конституции или заменяющие их документы, определились с государственным строем и стали признанными членами международных и региональных организаций.

Несмотря на свои слабости, Лига обрела важное историческое значение и оказалась вехой на пути становления арабского мира в качестве геополитической единицы и субъекта международных экономических и политических отношений.

Этот факт нашел отражение в том, что подавляющее большинство арабских стран стали полноправными членами ООН в период с 1945 по 1971 гг., реализовав тем самым свой национальный суверенитет. За этим стоит их признание как народов, окончательно обретших черты наций, функционирующих в рамках общепризнанных государственных границ и имеющих в том или ином наборе необходимые признаки, гарантирующие их пребывание в этом качестве.

Таким образом, за довольно короткий исторический срок Арабский Восток в лице составляющих его государств завершил определенную фазу нациестроительства. Добившись целей освобождения, каждое из них заняло подобающее место в международной табели о рангах и стало участвовать в определении векторов экономических, финансовых, энергетических, политических и иных процессов, олицетворяющих разные этапы разви-

тия мирового экономического и политического пространства.

Подобная динамика свидетельствовала о политической креативности и ответственности арабского этноса, оказавшегося способным к нациестроительству в ускоренном режиме в сложной обстановке мирового противостояния двух систем, столкновения идеологических позиций и ожесточенной борьбы за власть внутренних сил и крайне настороженного отношения со стороны внешних заинтересованных. Арабские народы нашли в себе возможности выдвинуть политически и граждански мотивированные силы активистов и лидеров и выступить не только против исчерпавших потенциал прежних институтов власти, но и в ряде случаев вразрез с ближневосточной политикой империалистических держав.

Лига для арабских националистов казалась опорным пунктом арабской идеи, шли разговоры об объединении арабских территорий в единое государство. Но развитие юнионистских тенденций в регионе оказалось не самой сильной стороной деятельности стран-членов. Впоследствии роль ЛАГ как инициатора и движителя этих процессов сошла на нет под влиянием разных обстоятельств своей внутренней жизни и динамики ускорявшихся событий на внешнем контуре, что сужало круг ее действий и отражалось на ее международном авторитете по мере переключения в большей мере на региональные дела. Тем не менее, эта организация все же остается как бы негласным символом арабского сотрудничества, которое еще не раскрыло кроющийся в нем потенциал.

Между тем, созданный в рамках ЛАГ комплекс межарабских организаций и структур, охватывавших практически все сферы внутренней и внешней политики и экономики, при наличии коллективной политической воли, вероятно, мог бы действительно способствовать объединительным тенденциям. Без этого считанные попытки отдельных государств оформить объединение быстро заканчивались провалом или оставались декларацией намерений. Примером чего может служить опыт интеграции Сирии и Египта или формальный проект «Стран Арабского Магриба»⁵.

Все же идея «арабской нации» и «арабской родины» не выпала окончательно из повестки дня. Идеология консолидации и солидарности арабских народов ради совместного процветания и прогресса и защиты от внешних угроз была серьезной составляющей политических действий правящих режимов в таких важных центрах Ближнего Востока, как Египет, Ирак, Сирия.

Их практика отчетливо коррелировалась с идеологией арабского единства и видела его вписаным в будущее в форме единой арабской нации, способной на великие свершения. Такие представления четко соответствовали содержанию из-

⁴ Создана в 1945 г., ныне объединяет 22 государства (*прим. авт.*).

⁵ Интеграционная группировка, декларированная в 1989 г., отличается экономической неэффективностью в силу сходного характера экономик стран-участниц, политически мало устойчива из-за внутренних противоречий (*прим. авт.*).

вестного в арабском мире призыва «фи-ль-вахдати кувва», т.е. «в единстве - сила», а с нею и, разумеется, власть, что и было целью арабских националистов. Не случайно, в надежде на обретение весомых аргументов для арабского единства широко подавалось историческое прошлое, в котором процветали арабские государства и могущественные халифаты в составе разных территорий, олицетворявшие власть, мощь арабского оружия, науки, культуры и религии.

Идеология единства прочно закрепилась и продолжала активно развиваться на уровне государственных воззрений в политическом дискурсе сирийской ПАСВ⁶. Эта партия стремилась создавать ячейки по всему арабскому миру и через них претворять в жизнь свой базовый принцип «Арабская нация едина, ее миссия бессмертна». Именно баасисты рассматривали всю «арабскую родину» как лоно для всех арабов. Это нашло отражение даже в паспортах сирийцев, где в графе национальность подчеркивалось, что субъект не просто сириец, но «арабий сурий», т.е. сирийский араб, в противовес всем иным государствам ареала, которые просто констатировали факт гражданства.

Однако одно осознание величия прошлого или политика отдельных партий едва ли могут служить импульсом для возникновения в региональном политическом пространстве единой общности людей, действительно имеющих много сходного в религии и культуре, но в массе считающих себя вполне достаточным существование только в рамках «родного» государства.

Особенно это относится к группе аравийских монархий, которые создали свой собственный и недоступный другим интегрированный ареал в виде Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива⁷, построенный на материальном благополучии и социальной защищенности населения.

За пределами этого круга эффект процветающего Совета сотрудничества вызывает сильные эмоции, но не порождает массового притока в зону притяжения по причинам, искусственно ограничивающим въезд мигрантов. Возможности же создания похожих ниш на других арабских территориях исключены. Ведь интеграционное слияние другой, гораздо менее обеспеченной части стран региона не сможет создать достойной альтернативы достижениям нефтеэкспортеров. Оно не будет иметь пропорционального ресурсного обеспечения и иных преимуществ, которые позволили инициировать мощный взлет экономики, подъем социальной сферы, вообще повышение уровня жизни населения аравийских монархий.

Естественно, сотрудничество неравноценно единству и имеет ценность, в основном, в контек-

сте ее конкретной значимости. Но как предтеча более глубоких объединительных процессов и при успешном испытании временем оно в той или иной форме может сыграть роль в деле сложения потенциалов стран на более высокой ступени развития и взаимодействия как акселератора движения родственных по цивилизационной, культурной, исторической идентичности субъектов навстречу друг другу.

В общем потоке поиска коллективной идентичности усилий одного или даже группы государств, увлеченных объединительной идеей, явно недостаточно, тем более, если речь идет об арабском мире, известном половинчатостью решений, боязнью потери лица элитами в случае невыверенных действий, вообще повышенной реактивностью и осторожностью.

На протяжении десятилетий только «палестинская проблема с ее сердцевинной - спором за священный город Иерусалим - могла быть единственной, способной объединить разношерстный арабский да и в целом мусульманский мир» [8]. Это суждение известной российской исследовательницы было высказано еще в 2000 г. Но последовавший позднее цепной обвал событий на Арабском Востоке, похоже, и эту проблему лишил объединительного звучания.

КАМНИ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Экономический фактор - немаловажное звено в цепи действий, обеспечивающих формирование национальной идентичности. Арабские воспроизводственные системы ныне в большинстве своем опираются на индустриальную основу, но не равны между собой по потенциалам роста и четко дифференцированы по источникам накопления национального богатства.

Если исключить углеводородные ресурсы, альтернативные отрасли поставляют на рынок во многом одинаковую номенклатуру товаров, о чем лучше всего свидетельствует межарабская торговля, десятилетиями сохраняющаяся на уровне 5-8%. Этого достаточно, чтобы понять, что по экономическим основаниям объединительные мотивы едва ли могут быть цементирующим материалом для объединительных инициатив.

Относительный паритет в регионе при некотором перевесе старых арабских центров производства просуществовал до революции цен на арабскую нефть в 1973 г. Это событие практически сразу резко разделило арабский мир по всем показателям. И тогда же стало ясно, что аравийские княжества быстро опередят соседей по региону, и сближения с ними ни по каким параметрам не будет.

Монархии действительно образовали привилегированный кластер и замкнулись на приведе-

⁶ Партия арабского социалистического возрождения, или Баас (арабск. - возрождение), создана в 1947 г., проповедует идею арабской нации, объединенной в рамках одного государства (*прим. авт.*).

⁷ ССАГПЗ - региональная организация, созданная в 1981 г. в целях интеграции и всемерного сотрудничества стран-членов в экономической, политической и культурной сферах (*прим. авт.*).

нии своей практики в соответствии с вызовами, которые могли бы содержать угрозу их особому существованию. Они отгородились от абстрактной идеи единой арабской нации и организовали свой субрегиональный интеграционный Совет сотрудничества, дополнив нефтегазовую специализацию инфраструктурным и логистическим компонентом, обеспечивающим стратегическое положение в системе международных торгово-экономических связей в зоне Персидского залива.

Эти фундаментальные меры легли в основу их стремления сконцентрироваться на создании собственной политической идентичности, способной выстроить благоприятные условия жизни при дистанцировании даже от единоверцев из родственных «страновых» наций.

Такая позиция, вместе с тем, не мешает сохранению духовного и религиозного единства с остальным арабским миром и признает, что монархии являются частью арабской «уммы».

Десятилетия подтвердили, что аравийские нефтеэкспортеры создали сравнительно эффективную модель экономического роста и, возможно, тем самым закладывают некий прообраз аравийской идентичности, в результате чего точка отрыва от соседних стран региона казалось в значительной степени пройденной.

Очевидно, что прошлый век стал временем серьезного преобразования арабской действительности. Тогда менялись социально-экономические основы существования арабской уммы, трансформировалась экономика, преобразовывалось материальное производство. Вообще менялось содержание процессов, стимулировавших национальное самосознание.

Но растущие разрывы по индексам и темпам роста снижали убедительность представлений об общности исторической судьбы, коллективной идентичности и ослабляли апелляцию к общеарабскому единству. Такой настрой сменил напор со стороны идеологии единства, укреплявшейся в борьбе с империализмом со времен Багдадского пакта⁸. Виной стали будни последовавших реформ и многочисленные противоречия роста практически во всех проблемных арабских государствах, хозяйственное обустройство которых и сейчас требует неотступных усилий и переключения на более приземленные темы. Примером может служить мировой кризис 2008 г., обрушивший многие показатели и сбивший темпы роста. Послекризисное же состояние растянулось на годы и продолжает сказываться и поныне.

Даже союзнические отношения в Совете сотрудничества, которые строятся на совместном использовании бесспорных конкурентных преимуществ, трактуемых изначально как «оружие», т.е. пространства, капиталы и нефть [9], и реализовались во многом благодаря исключительно благоприятным обстоятельствам в виде нефти

и газа, едва ли могут превозноситься с таким же энтузиазмом, как раньше. Особенно, если принять во внимание расколы по разным основаниям внутри этого единственного интегрированного арабского центра.

По сути, арабские страны ни вместе, ни по отдельности не знали стабильности на всем протяжении своей новейшей истории. Борьба за Палестину, войны с Израилем, с Ираном, затяжные рыночные реформы и множественные проблемы от энергетической до демографической десятилетиями отвлекали огромные ресурсы и углубляли политическую и социальную дифференциацию в страновых обществах, а не сплачивали их вокруг национальной идеи, которой могло быть собиранье арабских народов в единую нацию.

Нестабильность ухудшала связи и внутри региона, сея недоверие к действиям соседей и ослабляя задачи сотрудничества. В таких условиях остается все меньше поводов к «овеществлению» арабского единства, вопросы которого если и поднимаются, то в основном в кругу интеллектуалов или в газетных публикациях. Лелеемые арабскими романтиками мечты об экономической интеграции как предвестники реанимирования исторически сохраняющейся идеи сосуществования в рамках процветавших арабских халифатов, ныне, видимо, уже пережили свой пик.

В современный обиход вошло понимание нации как результат работы национально ориентированных элит и поддержки обществом курса на консенсус и солидарность. С этого ракурса уместно рассматривать страны, которые имеют, по меркам региона, высокоразвитую индустрию, вооружаются цифровыми технологиями, обладают иными чертами экономической идентичности, гарантирующими им не только доминирующие места в мировых бизнес-рейтингах, но и осязаемое влияние на мировом сырьевом рынке. Это о странах Совета сотрудничества.

Но далеко не все суверенные арабские государства достигли такого уровня состоятельности и жизнеобеспечения. Ослабление их дееспособности под влиянием перипетий многолетней борьбы народа с политикой малопопулярных режимов и с бедностью не может не отражаться на восприимчивости к идеям, отдаленным от текущих нужд населения. Во всяком случае, факт экономических успехов отдельных аравийских стран доказывает более высокую результативность на этом поле именно «капиталоизбыточных» государств, нежели «капиталодефицитных». Это, видимо, своего рода закономерность, которую нельзя не учитывать при определении отношения менее продвинутых обществ к объединительным ценностям.

Более того, именно эти «капиталодефицитные» общества менее устойчивы по отношению к негативным воздействиям экономических кри-

⁸ Подписан в Багдаде в 1955 г. между Ираком и Турцией. После присоединения Великобритании, Ирана и Пакистана был переименован в СЕНТО (Центральное командование), существовал до 1979 г. (прим. авт.).

зисов или вооруженных конфликтов. Под влиянием деструктивных факторов они быстрее дезорганизируются, будучи неспособными мобилизовать материальные, финансовые и иные ресурсы, чтобы купировать угрозы. Их хозяйственные системы не выдерживают давления, внутренние рынки разваливаются, экономика приходит в упадок.

Так было во время гражданской войны в Ливане (1975-1990 гг.), когда его хозяйство оказалось полностью дезинтегрированным. То же в Ливии, которая вообще перестала функционировать как единое государство и рынок. Так происходит и в Сирии, экономика которой откатилась на несколько десятков лет назад. Немногим лучше ситуация в Ираке, оказавшемся на грани деиндустриализации и в глубоком политическом кризисе.

Война с «Исламским государством» создала ранее невиданный прецедент, породив небывалый по силе разлад в арабском мире. Борьба перекомпоновала отношения между правительствами, обесточила меарабские институты, вызвала сильнейшую конфессиональную рознь и фактически узаконила практику насилия.

Несанкционированное вмешательство западных держав дополняет практику превращения как бы затухающего нынешнего конфликта в хроническое явление в регионе, острота которого регулируется в зависимости от геополитических устремлений США и союзников.

Тем самым оказывается влияние и на качество функционирования национальных государств, и на их способность двигаться в своей логике совершенствования процессов нациестроительства. И это по определению делает шатким национальный суверенитет государств, втянутых в гражданские войны и в борьбу за элементарное выживание.

В этих условиях даже длительное совместное и мирное прежде сосуществование разных религий, этнических групп и традиционалистских структур не спасает от появления «попыток» к размежеванию под воздействием эгоцентричных побуждений. В крайних случаях это ведет

и к обособлению, а то и отчуждению целых анклавов под нелегитимные локальные квазигосударства или нелегальные проекты незаконных вооруженных формирований.

Подобные девиации разрушают целостность национальных государств, вымывают из народной массы все идеалы общеарабского единства, препятствуют осознанию общеарабской трансграничности и солидарности.

* * *

Арабский мир переживает жесткий период разброда и шатаний, независимо от того, развернулись в нем конфликты в полную силу или до поры находятся в скрытом состоянии. В любом случае, он погряз в неурядицах и силой обстоятельств немалой своей частью отстранен от позитивного участия в мировой экономике и политике. Он имеет репутацию неблагополучной зоны, где на первый план вышли силы, разрушающие светские основы государственности в угоду промежуточным моделям реорганизации вставших на современный путь обществ. Как результат, продолжается затяжной период дальнейшей дифференциации по жизненно важным показателям, включая материальные и духовные аспекты выживания.

На этом фоне материализация тенденций в области нациестроительства в конкретных арабских странах, как представляется, может так или иначе замедляться. Поэтому едва ли арабским государствам удастся мобилизоваться в нынешних условиях экономической и политической разобщенности Арабского Востока и Арабского залива на проведение даже минимально согласованных действий для восстановления внутреннего баланса ради общих интересов. Если такие тенденции получат дальнейшее развитие, арабский мир неопределенно долго продолжит свое существование в статусе разобщенной, «разорванной» уммы с крайне туманными перспективами для большинства составляющих его государственных наций.

Список литературы / References

1. Большая Российская энциклопедия. Новый энциклопедический словарь БЭС. М., 2004. (2004. Great Russian Encyclopedia. New GRE Dictionary. M.) (In Russ.)
2. The Pocket Oxford Dictionary of Current English, 7th Edition. Oxford, 1984.
3. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. A.S.Hornby with A.P.Cowie, A.C.Gimson. Oxford, 1974.
4. Тесля А. Конструктивистские концепции нации. (Teslya A. Constructivist Conception of Nation) (In Russ.). <https://postnauka.ru/video/87042> (accessed 21.12.2019)
5. Васильев А. Египет и египтяне. М., 2008. (Vasiliev A. 2008. Egypt and the Egyptians. M.) (In Russ.)
6. Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств. *Восток (Oriens)*. 2014, № 4. (Naumkin V.V. 2014. Problem of civilizational identification and crisis of national state. *Vostok (Oriens)*. № 4) (In Russ.)
7. Кузнецов В.А., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире. Россия в глобальной политике. (Single-option Fragility: Fate of National State in the Arab World. Russia in Global Policy) (In Russ.). <https://globalaffairs.valday/Bezalternativnaya-khrupkost-sudbna-nacii-v-arabskom-mire-18043> (accessed 21.12.2019)
8. Супонина Е. Ностальгия по-арабски. *Известия*. 25.10.2000. (Suponina E. Nostalgia in Arabic way. *Izvestiya*. 25.10.2000) (In Russ.)
9. Akhbar al-Khalidj, Bahrain. 26.02.2000.